

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I Как мы сбились с пути

Глава 1. Введение	29
Глава 2. Путь к более плачевному состоянию экономики	62
Глава 3. Эксплуатация и рыночная власть	79
Глава 4. Раскол Америки в вопросе глобализации	116
Глава 5. Финансы и американский кризис	142
Глава 6. Проблема новых технологий	160
Глава 7. Почему правительство?	184

Часть II Реконструкция американской политики и экономики: что нужно делать

Глава 8. Восстановление демократии	209
Глава 9. Восстановление динамичной экономики с рабочими местами и возможностями для всех	232
Глава 10. Достойная жизнь для всех	269
Глава 11. Возрождение Америки	284
Благодарности	314
Примечания	322

Предисловие

Я родился в городе Гэри, штат Индиана, на южном берегу озера Мичиган. Мое детство пришлось на годы золотого века капитализма, но это выяснилось лишь значительно позже. В те времена они не казались особенно золотыми — я был свидетелем расовой дискриминации и сегрегации, вопиющего неравенства, трудовых конфликтов и периодических экономических спадов. Здесь нет ничего удивительного — ведь видишь обычно лишь последствия этого на своих одноклассниках и облике города.

Город был свидетелем индустриализации и деиндустриализации Америки. Его заложили в 1906 г. при строительстве крупнейшего в мире металлургического комбината и назвали в честь основателя и председателя правления компании US Steel Элберта Гэри. Это был монопрофильный во всех смыслах город. Когда я приехал туда на празднование 55-й годовщины своего окончания средней школы в 2015 г., еще до того, как Трамп стал неотъемлемой частью пейзажа, напряженность ощущалась физически, и не без основания. Город шел вместе со всей страной по пути деиндустриализации. Численность его населения едва достигала половины того уровня, что был во времена моего детства. Город выгорел. Он служил съемочной площадкой для голливудских фильмов о войне и апокалипсисе. Некоторые из моих одноклассников стали учителями, было несколько врачей и юристов и множество секретарей.

Печальнее всего на этой встрече звучали одноклассники, которые рассказывали, как они хотели после окончания школы получить работу на комбинате, но страна переживала очередной экономический спад, и им пришлось поступить на военную службу и посвятить свою жизнь охране порядка. Читая список тех, кто ушел из жизни, и глядя на внешний вид оставшихся, можно было судить о неравенстве в продолжительности жизни и уровне медицинского обслуживания в стране. Между двумя одноклассниками завязался спор. Один из них, бывший полицейский, резко критиковал правительство, а другой, бывший школьный учитель, указывал на то, что пенсию и пособия в случае инвалидности бывшие полицейские получают от этого самого правительства.

Когда я уезжал из Гэри в 1960 г. на учебу в Колледже Амхерста в штате Массачусетс, кто мог предвидеть, куда повернет история и как это отразится на моем городе и одноклассниках? Этот город определил мою судьбу: неотступные воспоминания о неравенстве и страданиях заставили меня забыть о пристрастии к теоретической физике и переключиться на экономику. Я хотел понять, почему наша экономическая система обездоливает столько народа и можно ли изменить ситуацию. Но, хотя я изучил выбранную дисциплину — и начал лучше разбираться в том, почему рынки зачастую работают не слишком хорошо, — проблемы не разрешились, а стали только глубже. Неравенство усилилось и вышло за пределы всего мыслимого во времена моей юности. Годы спустя, когда в 1993 г. я вошел в администрацию президента Билла Клинтона сначала в качестве члена, а потом председателя Экономического совета, этим вопросом наконец начали заниматься. Примерно в середине 1970-х гг. или начале 1980 г. неравенство стало резко расти, поэтому в 1993 г. оно было значительно сильнее, чем все, что я помнил.

Изучение экономики привело меня к выводу, что идеология многих консерваторов ошибочна. Их почти религиозная вера в силу рынков — безграничная настолько, что они могли бы

в управлении экономикой просто положиться на свободные рынки, — не имела ни теоретического, ни фактического подтверждения. Нам нужно было не убеждать других в этом, а разрабатывать программы и политику, которые могли развернуть опасную тенденцию роста неравенства и потенциала нестабильности, результат финансовой либерализации, начавшейся при Рональде Рейгане в 1980-х гг. К несчастью, вера в силу рынков укоренилась к 1990-м гг. настолько, что сторонниками финансовой либерализации были некоторые мои коллеги в администрации и даже сам Клинтон¹.

Мое беспокойство по поводу роста неравенства лишь усиливалось, пока я работал в Экономическом совете Клинтона, а после 2000 г. оно стало совершенно невыносимым. Еще никогда со времен, предшествовавших Великой депрессии, на богатейших граждан не приходилась столь большая доля совокупных доходов населения страны².

С момента начала работы в администрации Клинтона на протяжении 25 лет меня мучили три вопроса. Как мы дошли до такой жизни? Куда мы движемся? И можно ли изменить курс? Я подходил к ним как экономист и видел, естественно, как минимум часть ответа в наших экономических провалах — неспособности организовать плавный переход от производственной экономики к экономике услуг, обуздать финансовый сектор, совладать с глобализацией и ее последствиями, а самое главное — не допустить превращения США в страну с экономикой и демократией 1% населения, для 1% населения и по желанию 1% населения³. И практический опыт, и исследования убедили меня в том, что экономику и политику невозможно разделить, особенно в Америке с ее помешанной на деньгах политикой. Именно поэтому я, хотя и уделяю основное внимание экономике нашей нынешней ситуации, не могу не касаться политики.

Многие составные части этого диагноза стали к настоящему времени хорошо нам знакомыми, включая чрезмер-

ную финансиализацию, плохо управляемую глобализацию и возрастающую рыночную власть. Я показываю, как они взаимосвязаны и как в совокупности они проливают свет на то, почему рост экономики такой слабый и почему плоды этого роста распределяются так неравномерно.

Эта книга, впрочем, не только о диагнозе, но и о рецепте — о том, что мы можем сделать, о пути вперед. Для разговора на подобные темы нужно объяснить, откуда на самом деле берется богатство народов, разграничить создание богатства и его извлечение. Под последним понимается процесс получения богатства путем эксплуатации в какой-либо форме. Реальным источником «богатства народа» является первый процесс, то есть творческие способности и производительный труд людей, составляющих народ страны, а также их производительное взаимодействие друг с другом. В его основе лежит научный прогресс, который помогает нам получать неочевидные знания и использовать их для совершенствования технологии. Помимо этого, он опирается на представления о социальной организации, углубляющиеся в ходе аргументированной дискуссии, которая ведет к появлению таких широко известных институтов, как «верховенство закона, система сдержек и противовесов, а также надлежащая правовая процедура». Я намечаю контуры прогрессивной повестки дня, которая представляет собой антитезис повестки дня Трампа и его сторонников. Она, в каком-то смысле, является отвечающим реалиям XXI в. сочетанием программ президентов Тедди Рузвельта и Франклина Делано Рузвельта. В ее центре лежит идея о том, что реализация предлагаемых реформ приведет к быстрому росту экономики и общему процветанию, а в конечном итоге к превращению того характера жизни, к которому стремится большинство американцев, из несбыточной мечты в достижимую реальность. Короче говоря, если понять, из каких источников берется богатство народа, можно построить более динамич-

ную экономику и добиться общего процветания. Для этого правительство должно взять на себя иные, возможно более широкие функции, чем те, что оно выполняет сегодня: мы не можем отмахиваться от потребности в коллективных действиях в нашем сложном мире XXI в. Я показываю также, что существует целый набор абсолютно необременительных мер, которые могут сделать жизнь на уровне среднего класса — еще в середине прошлого столетия казавшейся доступной, а теперь все более недостижимой — вновь нормальной, а не исключением.

Рейганомика, трампомика и посягательство на демократию

Для осмысления нашей сегодняшней ситуации полезно вернуться назад примерно на 40 лет к временам, когда консерваторы тоже были на вершине. Тогда это походило прямо-таки на глобальную тенденцию: Рональд Рейган в США, Маргарет Тэтчер в Великобритании. Кейнсианская экономика с ее акцентом на том, что правительство может поддерживать полную занятость путем управления *спросом* (через денежно-кредитную и налоговую политику), была заменена на *экономику предложения*, где акцент смещался на дерегулирование и снижение налогов для повышения деловой активности, роста предложения товаров и услуг и, таким образом, увеличения доходов отдельных лиц.

Дежавю: экономическое шаманство

Экономика предложения не работала при Рейгане, не будет она работать и при Трампе. Республиканцы уверяют себя и американский народ в том, что трамповское сокращение налогов оживит экономику и потеря налоговых доходов будет не такой значительной, как заявляют скептики. Это аргумент стороны предложения, и в настоящий момент все должны знать, что

он не работает. Рейгановское сокращение налогов в 1981 г. положило начало эпохе гигантского бюджетного дефицита, замедления роста и углубления неравенства. Трамп в своем законе о налогообложении 2017 г. подсовывает нам еще больше, чем Рейган, порцию политики, основанной не на науке, а на своекорыстном поверье. Президент Джордж Буш–старший называл рейгановскую экономику предложения *экономическим шаманством*. Так вот, Трамп предлагает гипертрофированное экономическое шаманство.

Некотрые сторонники Трампа допускают, что его политика далека от совершенства, но при этом защищают его. Послущать их, так он хотя бы уделяет внимание тем, от кого долгое время отмахивались, уважает их человеческое достоинство. Я бы сформулировал это иначе: он достаточно опытен, чтобы чувствовать недовольство, раздувать его и безжалостно играть на нем. То, что он готов ухудшить положение среднего класса, отобрав медицинское обслуживание у 13 млн американцев, в стране, уже ошарашенной сокращением средней продолжительности жизни, говорит не об уважении, а о презрении. О том же говорят и налоговые льготы богатым при фактическом повышении налогов для подавляющей доли представителей среднего класса⁴.

Для тех, кто жил при Рональде Рейгане, сходство политики очень заметно. Как и Трамп, Рейган играл на страхе и узости взглядов: он эксплуатировал историю с «королевой пособий»*, которая обирала американцев, с трудом зарабатывавших на жизнь. Подразумевались, конечно, афроамериканцы. Рейган тоже не испытывал сострадания к бедным. Считать горчицу и кетчуп овощами, необходимыми для повышения питатель-

* Имеется в виду история некоей мошенницы, которая обманывала социальные службы и незаслуженно получала пособия. Рейган использовал ее во время предвыборной кампании для иллюстрации вреда социальных программ. — *Прим. пер.*

ности школьных обедов, было бы забавно, если бы не вызывало грустные мысли. Лицемерие Рейгана проявлялось в эвфемизмах вроде «добровольного ограничения экспорта»: Японии предоставили выбор — либо она сама ограничит свой экспорт, либо это сделают за нее. Не случайно на месте торгового представителя США в администрации Трампа оказался Роберт Лайтхайзер, который работал в этой должности при Рейгане 40 лет назад.

У Рейгана и Трампа есть и другие общие черты, например откровенная готовность служить интересам корпораций, в некоторых случаях одним и тем же. Рейган устроил раздачу природных ресурсов по дешевке, распродажу, позволившую крупным нефтяным компаниям получить нефтяные богатства страны за мизерную часть их реальной стоимости. Трамп пришел к власти на обещании «осушить болото», то есть предоставить голос тем, кто считал, что вашингтонские правила игнорируют их. Однако после его вступления в должность болото стало лишь глубже.

Вместе с тем, несмотря на все сходство, существуют и глубокие различия, которые приводят к разногласиям с некоторыми старейшинами Республиканской партии. Рейган, конечно, окружил себя партийными политиками, что вполне естественно, но у него на ключевых постах были и выдающиеся государственные деятели вроде Джорджа Шульца (Шульц при Рейгане занимал в разное время посты госсекретаря и министра финансов)⁵. Для них аргументы и истина имели не последнее значение, они, например, смотрели на изменение климата как на реальную угрозу и считали Америку глобальным лидером. Они, как и члены предыдущих и последующих администраций, сгорели бы со стыда, если бы их поймали на откровенной лжи. Хотя им и случалось затуманивать правду, истина кое-что значила для них. Этого нельзя сказать о нынешних обитателях Белого дома и их окружении.

Рейган по крайней мере поддерживал видимость аргументированности и логики. В основе его политики сокращения налогов лежала теория, экономика предложения, которую мы уже упоминали. За 40 лет ошибочность этой теории доказывали неоднократно. Трампу и республиканцам XXI в. теория ни к чему: они сделали это потому, что просто имели такую возможность.

Именно презрительное отношение к истине, науке, знаниям и демократии отличает администрацию Трампа и других руководителей такого же толка от Рейгана и других консерваторов прошлого. В реальности, как я показываю, Трамп во многом более революционен, чем обычный консерватор. Можно понимать причины, по которым его извращенные идеи находят отклик у такого большого числа американцев, но это не делает их более привлекательными или менее опасными.

Трамповская налоговая «реформа» 2017 г. наглядно показывает, как далеко страна отошла от прежних традиций и норм. Налоговая реформа обычно проводится с целью упрощения, устранения лазеек, создания условий, при которых все вносят в бюджет справедливую долю дохода, и обеспечения таких поступлений, при которых стране хватает средств для расчетов по счетам. Даже Рейган в своей реформе 1986 г. выступал с призывом к упрощению налогообложения. Налоговое законодательство 2017 г., наоборот, привносит новые сложности и оставляет большинство вопиюще очевидных лазеек на месте, в том числе ту, которая позволяет работникам фондов прямых инвестиций платить максимум 20%, что практически в два раза ниже того, что платят другие работающие американцы⁶. Оно аннулировало норму о минимальном налоге, которая не позволяла физическим лицам и компаниям *злоупотреблять* лазейками и заставляла платить хотя бы минимальный процент со своих доходов.

На этот раз никто не притворялся, что дефицит бюджета сократится. Единственное, о чем говорили, — так это о том, насколько он вырастет. К концу 2018 г. расчеты показывали, что правительству придется заимствовать рекордную сумму, более \$1 трлн в следующем году⁷. Даже в виде процентной доли ВВП это был рекорд для страны, которая не страдала ни от войны, ни от рецессии. Для экономики, стремящейся к полной занятости, дефицит однозначно вреден, поскольку Федеральной резервной системе приходится повышать процентные ставки, а значит, сдерживать инвестиции и рост. Тем не менее лишь один республиканец (сенатор Рэнд Пол от штата Кентукки) позволил себе больше, чем пискнуть в знак протеста. За пределами американской политической системы, однако, критика звучала со всех сторон. Даже Международный валютный фонд, никогда не отличавшийся склонностью к критике США, страны, чей голос давно доминирует в этом институте, завел речь о налогово-бюджетной безответственности⁸. Политических наблюдателей поразили размах лицемерия — когда экономике реально требовалось стимулирование, фискальный импульс, после кризиса 2008 г., республиканцы говорили, что страна не может позволить себе этого, что это приведет к недопустимому дефициту.

Налоговый закон Трампа является порождением глубочайшего политического цинизма. Даже скудные подачки, которыми это детище республиканцев одаривает простых граждан (небольшое снижение налогообложения в течение следующих нескольких лет), предусматриваются лишь на некоторое время. Партийная стратегия, по всей видимости, основывается на двух гипотезах, которые, если дело действительно обстоит так, не сулят стране ничего хорошего. Одна из них заключается в том, что обычные граждане предельно близоруки, они будут радоваться небольшому снижению налогов и не заметят его временного характера, а также повышения налогов для подавляющей части среднего класса. Суть другой,

и это более важно, в том, что реальное значение для американской демократии имеют лишь деньги. Стоит угодить богатым, и они осыпят Республиканскую партию взносами, на которые можно купить голоса, необходимые для проведения нужной политики. Это показывает, как далеко Америка отошла от идеалов, провозглашенных в момент ее создания.

Откровенные попытки давления на избирателей и беспардонные предвыборные махинации, подрыв демократии также отличают нынешнюю администрацию. Нельзя сказать, что подобные вещи не случались в прошлом — к сожалению, это практически неотъемлемая часть американской традиции, — но они никогда не делались настолько бессердечно, так пунктуально и открыто.

Главным, пожалуй, было то, что в прошлом лидеры обеих партий пытались объединить страну. Как-никак они приносили клятву на конституции, которая начинается словами «Мы, народ...». В основе этого лежала вера в принцип общего блага. Трамп, в отличие от этого, начал играть на разделении и его углублении.

Вежливость, которая требовала цивилизованного поведения, была отброшена, а вместе с ней и видимость приличия — как на словах, так и в делах.

Конечно, страна и мир сейчас совсем другие, чем четыре десятилетия назад. Тогда процесс деиндустриализации только начинался, и, выбери Рейган и его преемники правильную политику, такого опустошения американских промышленных центров, которое мы наблюдаем сейчас, возможно не произошло бы. Мы также стояли в самом начале великого разделения, колоссального разрыва благосостояния 1% населения страны и остальной его части. Нас учили, что, как только страна достигает определенного уровня развития, неравенство сокращается — и Америка является наглядным примером этой теории⁹. После Второй мировой войны процветали все слои наше-

го общества, но доходы тех, кто был внизу, росли быстрее, чем у тех, кто находился на вершине. Мы создали величайшее в мире общество среднего класса. Однако к выборам 2016 г. неравенство достигло такого уровня, которого не видели со времен «Позолоченного века»* в конце XIX столетия.

Взгляд на то, где страна находится сегодня и где она была четыре десятилетия назад, ясно показывает, что такая же неработоспособная и неэффективная, как политика Рейгана в свое время, трампономика еще хуже подходит для нынешнего мира. Нам тогда было не под силу вернуться назад в идиллические внешне дни администрации Эйзенхауэра; уже тогда шел процесс перехода от производственной экономики к экономике обслуживания. Сейчас, 40 лет спустя, подобные устремления выглядят совершенно оторванными от реальности.

Меняющаяся демографическая картина Америки к тому же переводит этот взгляд на «прекрасное» прошлое — прошлое, где большие группы населения, включая женщин и небелых граждан, вообще исключались из процветания — в плоскость демократического выбора. Дело не только в том, что подавляющее большинство американцев скоро будет небелым, или в том, что мир и экономика XXI в. не могут больше мириться с мужским доминированием в обществе. Надо еще принимать во внимание, что жители наших городов и на севере, и на юге, где обитает подавляющая часть населения, осознали ценность разнообразия. Те, кто живет в этих центрах роста и динамизма, поняли также ценность сотрудничества и увидели роль, которую правительство может и обязано играть, чтобы добиться общего процветания. Они отбрасывают предрассудки прошлого, порой очень решительно. Но если так, то для меньшинства (будь это крупные компании, пытающиеся наживаться

* «Позолоченный век» — саркастическое название периода с конца Гражданской войны в Америке до 1880-х гг., для которого были характерны быстрое обогащение некоторых слоев населения и коррупция в сфере политики и бизнеса. — *Прим. пер.*

на потребителях, банки, старающиеся погреть руки на заемщиках, или те, кто увяз в прошлом и хочет вернуть ушедший мир) в демократическом обществе единственный путь сохранить свое экономическое и политическое доминирование — это подавление демократии тем или иным образом.

Так быть не должно — недопустимо, чтобы в Америке, такой богатой стране, насчитывалось так много бедных людей, которые еле сводят концы с концами. Хотя, конечно, существуют силы, усугубляющие неравенство (в том числе изменения технологии и глобализация), ситуация в других странах показывает, что дело здесь в политике. Неравенство — это результат сознательного выбора. Оно не является неизбежным. Однако, если мы не изменим нынешний курс, неравенство, скорее всего, станет еще сильнее, и наш рост так и останется на текущем низком уровне, который сам по себе является загадкой с учетом того, что у нас вроде бы самая инновационная экономика, да и времена сейчас самые инновационные за всю историю мира.

У Трампа нет плана помощи стране. Его план предусматривает дальнейшее ограбление подавляющей части населения теми, кто находится на вершине. Эта книга наглядно показывает: политика Трампа, а вместе с ним и Республиканской партии ведет к углублению всех проблем, стоящих перед нашим обществом, — усилению экономического, политического и социального разделения, сокращению средней продолжительности жизни, ухудшению финансовой ситуации и втягиванию страны в новую эру замедления роста.

Трампа нельзя винить во многих проблемах нашей страны, но он помогает им проявиться: разделение уже существует, и любой демагог может играть на нем. Если бы Трамп не появился на сцене, через несколько лет на нее вышел бы какой-нибудь другой демагог. Если взглянуть на мир, то примеров предостаточно — Ле Пен во Франции, Моравецкий в Польше, Орбан в Венгрии, Эрдоган в Турции, Дутер-

те на Филиппинах и Болсонару в Бразилии. Хотя каждый из этих демагогов своеобразен, все они отвергают демократию (Орбан, например, с гордостью рассуждает о достоинствах *нелиберальной* демократии) с ее верховенством закона, свободными средствами массовой информации и независимой судебной системой. Все они верят в «сильную личность» — в себя, надо понимать, — в культ личности, который вышел из моды в большинстве стран мира. И, конечно, все они пытаются обвинить внешние силы в своих проблемах, а сами являются националистами, превозносящими врожденные добродетели своих народов. Этому поколению реальных и потенциальных автократов поголовно присуща грубость, а в некоторых случаях неприкрытая нетерпимость и пренебрежительное отношение к женщинам.

Большинство проблем, которые я затрагиваю, характерна и для других развитых стран, однако, как мы увидим, Америка идет впереди всех и в неравенстве, и в разрушении здравоохранения, и в разделении. Трамп служит для других ярким примером того, что может произойти, если этим болячкам позволить гноиться слишком долго.

Старая мудрость гласит: в политике невозможно победить, не предложив ничего. Так и в экономике: плохой план можно развенчать, только показав, что ему есть альтернатива. Даже если бы мы не оказались в нынешнем болоте, все равно нужно было бы предложить альтернативу тому видению, которое приняла наша страна и значительная часть мира в последние три десятилетия. В этом видении общества экономике отводится центральное место, причем экономика рассматривается через линзу «свободных» рынков. Оно преподносится как основанное на наших достижениях в понимании рынков, однако в действительности истина прямо противоположна: достижения в области экономической науки за последние 70 лет прямо говорят об ограниченности возможностей свободных рынков. Любой, у кого глаза не зашорены, может сам

убедиться в этом: эпизодическая безработица, иногда массовая, как во время Великой депрессии, и загрязнение окружающей среды, из-за которого в некоторых местах просто нечем дышать, — всего лишь два наиболее очевидных «доказательства» того, что рынки сами по себе не обязательно работают хорошо.

Я ставлю перед собой цель прежде всего изложить наши представления о реальных источниках богатства народа и показать, как в процессе укрепления экономики добиться справедливого распределения ее плодов.

Я представляю здесь альтернативу программе, предложенной, с одной стороны, Рейганом, а с другой — Трампом, альтернативу, которая опирается на достижения современной экономической науки и которая, по моему убеждению, должна привести нас к общему процветанию. Попутно я поясняю, почему неолиберализм, то есть идеология нерегулируемого рынка, не работает и почему трампономика, своеобразное сочетание низких налогов для богатых и финансового и экологического дерегулирования с национализмом и протекционизмом — сильно регулируемым режимом глобализации — тоже не будет работать.

Прежде чем приступить к изложению этой темы, думаю, будет полезно обрисовать современные представления экономической науки, необходимые для понимания того, о чем пойдет речь¹⁰.

Во-первых, рынки сами по себе не способны обеспечить общее и устойчивое процветание. Рынки неоценимы для любой хорошо функционирующей экономики, однако зачастую приносят результаты, которые нельзя считать приемлемыми и целесообразными. Они порождают слишком много одного (загрязнение окружающей среды) и слишком мало другого (фундаментальные исследования). А кроме того, как показал финансовый кризис 2008 г., рынки сами по себе нестабильны. Более 80 лет назад Джон Мейнард Кейнс объяснил, почему рыночную экономику нередко сопровождает устой-

чивая безработица, и показал, как правительство может под-
держивать практически полную занятость.

При наличии сильного расхождения между общественным благом от какой-либо деятельности (выгодой для общества) и индивидуальным благом от этой же деятельности (выгодой для отдельного лица или компании) рынки не могут самостоятельно устранить его. Изменение климата, пожалуй, самый показательный пример: глобальные общественные издержки выбросов углекислого газа огромны — чрезмерные выбросы парниковых газов представляют реальную угрозу всей планете. Они значительно превосходят издержки любой фирмы или даже страны. Выбросы углекислого газа необходимо ограничить либо путем регулирования, либо путем введения платы за них.

Рыночные механизмы плохо работают и в условиях неполной информации и отсутствия некоторых ключевых рынков (например, для страхования значимых рисков, вроде риска безработицы) или при ограниченной конкуренции. Подобные рыночные «несовершенства» вездесущи, и к ним очень чувствительны определенные сферы вроде финансов. Кроме того, рынки не создают в достаточном количестве то, что называют «общественными благами» (например, противопожарную защиту или национальную оборону) — блага, которыми пользуется все население и плату за которые сложно взимать иначе, чем путем сбора налогов. Чтобы обеспечить более эффективное функционирование экономики и общества и таким образом создать гражданам условия для процветания и безопасной жизни, правительству необходимо тратить деньги, в частности на страхование на случай безработицы и на финансирование фундаментальных исследований, а также вводить регулирование, защищающее людей от вредного воздействия со стороны других. Капиталистическая экономика всегда предполагала существование определенного сочетания частных рынков и государственных — вопрос был не в том, какую форму хозяйствования выбрать, рыночную или госу-